

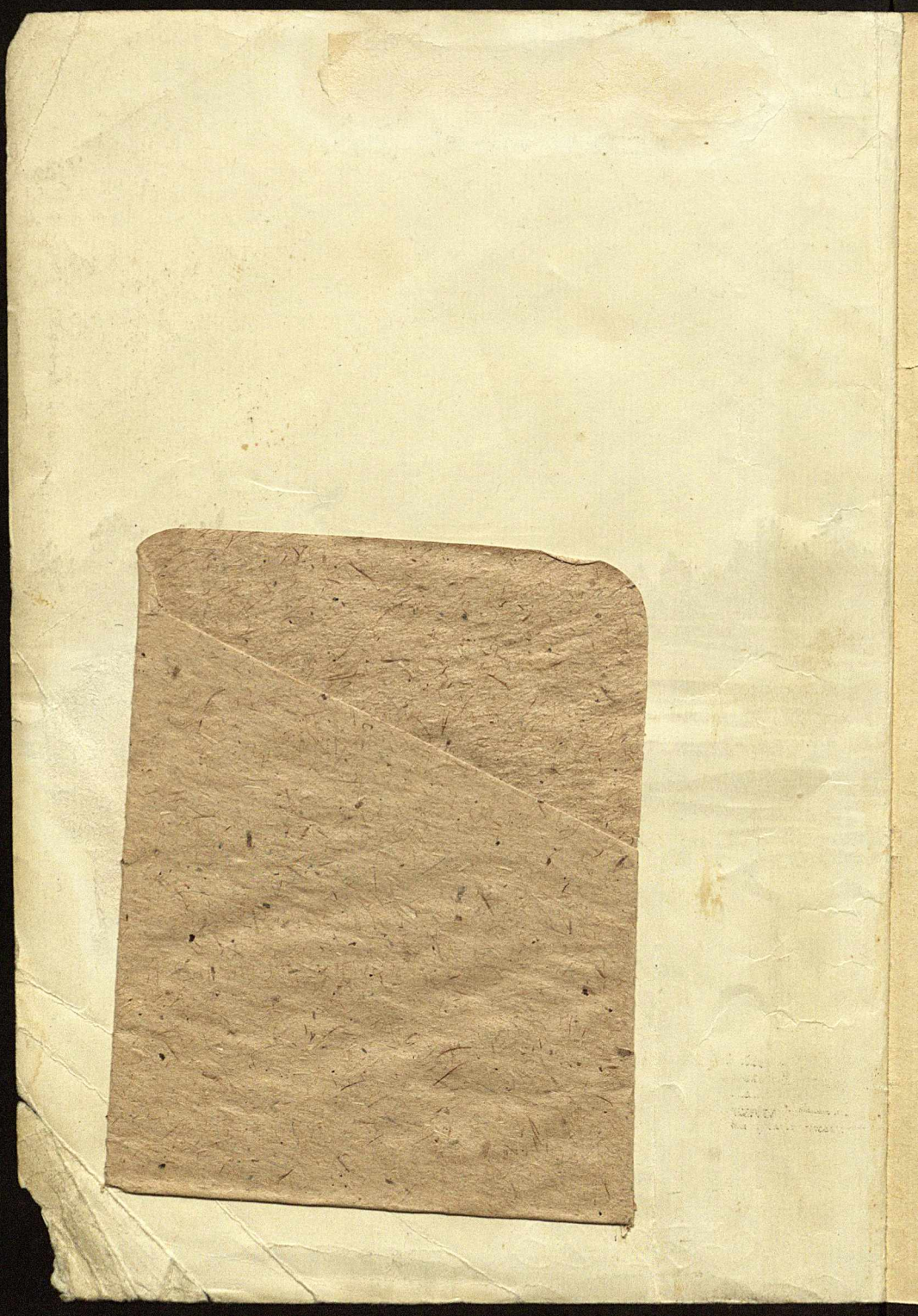
P2
113

ИЛЛЯ ЛАВРОВ

СИНИЙ КОЛОДЕЦ

с752123

60
26

Р 2
Л 13

ИЛЬЯ ЛАВРОВ

СИНИЙ КОЛОДЕЦ

21754

№ 2175
Литературный музей
Забайкалья

ГОРБАТОВСКАЯ
ГОРЬКАЯ
БИБЛИОТЕКА

РАССКАЗЫ

Читинское книжное издательство
Чита — 1956

W
80 | K87+K682(9) V+P2 V
A-13

с. 752123 2019

Читинская область
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина

ISBN: А-СК-Р-ЧИ-56

Лавров Илья Михайлович родился в Новосибирске в 1917 г. В 1936 г. окончил театральный техникум. С тех пор работает актером.

Первый рассказ напечатан в 1953 г. в саратовском альманахе „Новая Волга“. Рассказы публиковались также в читинском альманахе „Забайкалье“. Первый сборник рассказов „Ночные сторожа“ выпущен Читинским книжным издательством в 1955 г.

В 1956 г. был участником Третьего Всесоюзного совещания молодых писателей в г. Москве.

К
К
С
Р
С
К
С
О
Б
Г
И

СИНИЙ КОЛОДЕЦ

Электропила визжала, выла, уходя в крепкую древесину. Вырывалась тугая струя опилок, пахло сосновой смолой.

Семен, тяжелый, широкий, с засученными до локтей рукавами, вывел пилу из надреза и, волоча резиновый кабель, забежал к дереву с другой стороны. Пила снова взвыла, вгрызлась.

На место Семена встал помощник Сашка Ягодко, стройный и гибкий даже в старом, мешковатом комбинезоне, и, взмахнув несколько раз топором, сделал надруб — сюда падать дереву. Схватив багор с острой железной вилкой на конце, Ягодко вонзил его в сосну, уперся.

По медному лицу Семена катился пот. Через брезентовые рукавицы он ощущал, как мелко дрожит ручка визжащей пилы.

Густая, увешанная шишками, вершина огромной сосны казалась недосягаемой. Но вот она слегка дрогнула, важно качнулась. Ягодко уперся в багор, худое лицо покраснело. Сосна начала валиться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Срываясь с пня, застонала, закричала. Сучья со свистом рассекали воздух. Лесной великан с гулом, треском и шумом ветвей грохнулся на землю. Взметнулись куски бронзовых сучьев, хвойные лапы, чешуйки коры.

Семен опустил горячую пилу, кулаком стер с густых бровей капельки пота, подмигнул напарнику и подбежал к другой сосне.

— Ты загонял меня, Сенька!—крикнул Ягодко, едва успев подтащить кабель и багор. — Чего ты, как на пожаре!

— Не робей, паря!— загремел Семен, сверкнул маленькими глазами и задрал голову. Если дерево стоит ровно, то оно упадет в ту сторону, с которой больше ветвей.

— Но, милая! — весело крикнул Семен, и пила с воем пошла в ствол.

Свалив с десятков деревьев, сели на пеньки перекурить.

Кругом теснились косматые, укутанные лесом, сопки. Туман полз облаками по склонам, цеплялся за деревья.

Еще три дня назад на этом пологом холме шумел бор, а теперь стало просторно, пусто — бор лежал на земле, качая сучьями, будто прилег отдохнуть. Пахло опилками, хвоей. Поверженные сосны были теплые, еще живые. Торчали пни, заплывшие прозрачной смолой.

Лишь кое-где молоденькие сосенки шевелили на ветру свежими сквозными ветвями — радовались, что теперь вольно и солнечно им.

В глубине леса гудела передвижная электростанция. От нее тянулись резиновые черные кабели электропил.

Моторист Светлолобов, сидя на ведре, застеленном стеганкой, точил на электроточиле зубья пилы.

Семен курил и прислушивался. Из глубины тайги доносилось гулкое тюканье нескольких топоров—женщины обрубали с поваленных сосен сучья. Один топор тюкал торопливо, слабо, другой — медленно, с перебойми, третий бил уверенно, сильно. Семен знал, что это рубит Клаша Пивоварова.

Он смотрел в небо, рассеянно пускал папиросный дым и мысленно видел статную девушку в белом платочке, в вишневой кофте, в сапогах. У Клаши одна рука в брезентовой рукавице. Девушка размахивает топором по-мужски, широко и сильно, он сверкает, летят сучья. Клаша работает без остановок, легко прыгая в пуганице сучьев через большущие стволы. И только пересыхающие, румяные губы выдают, что работать тяжело.

«Тук! Тук!» — слышит Семен, словно зовут его: «Жду! Жду!» Семен сдвинул кепку на брови и почесал заросший затылок, потом сдвинул кепку на затылок и почесал брови.

На дальней лесосеке, где работала Клаша, тархтел трактор — Степка Лоскутов таскал хлысты к дороге.

«Тук! Тук! Друг! Друг!» — выстукивал топор.

— Эх, елки зеленые! — пробормотал Семен и насторожил ухо в сторону дальней лесосеки.

Когда с гулом рухнула сосна, Семену показалось, что да-

лекий топорик-дятел стих—наверное, Клаша прислушалась к шуму.

— Свадьба-то у тебя когда?— спросил Ягодко, прищурив светлые глаза и определяя наклон сосны.

— Через три дня,— Семен крякнул и посмотрел на Ягодко радостно-изумленными глазами, точно сам впервые услышал о своей свадьбе.

— Совсем ты, брат, ошалел,— засмеялся Ягодко,— готов руками вывертывать лесины! А я бегай за тобой, высунув язык на плечо!

Заголосила пила, словно хотела вырваться из рук Семена.

Справа и слева тоже валились сосны, охала тайга...

В перерыв к станции пришли все вальщики, расстелили брезент и вытащили из сумок бутылки с молоком, с чаем, разложили картошку, огурцы. Только Семен скрылся куда-то.

— К Клашке своей потащился. Любовь картошкой не накормишь,— проговорил моторист Светлолов, круглолицый, с хитрыми глазами. Он говорил басом, а смеялся неожиданно, бабьим голосом: «Хе-хе-хе!»

— Клашка — девка отчаянная, оторви да брось. Запряжет его, как смирного мерина, хе-хе-хе!

Семен шел лесом и ел густо посоленный ломоть хлеба. Волчий табак — белые пампушки, похожие на грибы,—громко шелкая, лопались под сапогами и выстреливали облачка ядовитой пыли, напоминающей нюхательный табак.

Среди зарослей целебной кровохлебки прятались маленькие кочаны заячьей капусты.

Семен срывал розовые кукушкины башмачки, надутые, как пузыри, фиолетовые кукушкины слезки, золотые шишечки девятника, который будто лечит от девяти болезней, мелкие красные цветы — богородицин чай.

Он держал букет сразу двумя руками, выставив далеко вперед, словно нес кринку, доверху налитую молоком. Цветы не бревна, а кожа на ладонях так огрубела, что стоило отвернуться и уже не ощущал — в руках они или выпали.

Семен прислушался: выл и ревел трактор.

Выйдя на лесосеку, Семен спрятал букет за спину. Он разглядел в балагане из веток Клашу и других женщин-сучкорубов. Смущенно бросил букет, деловитой походкой направился к трактору, разрывая паутины, струнами натянутые от куста к кусту.

Лесосека была завалена лесинами, кучами обрубленных

сучьев, утыкана свежими пнями, застлана войлоком из опилок, желтой хвои, серых шишек. Придавленные хлыстами кусты шиповника выталкивали колючие ветки с красными каплями ягод. Просвеченная солнцем изумрудная сосновая поросль была до колен Семену. Лежало несколько трухлявых, шерстяных от моха, валежин. Пахло крепко и молодо смолкой, развороченной трактором землей. Кое-где переломленные сосенки уронили на землю вершины.

Из бункера, позади кабины, валит удушливый дым—трактор работал на сосновой чурке. Сверкая гусеницами, с хрустом подминал он сучья, кусты багульника, молодые деревца. «И не нужно, а истребляет»,—нахмурился Семен.

Трактор опустил сзади железный щит, попятился и начал толкать им тяжелые хлысты.

Лоскутов, увидя Семена, выключил мотор, прыгнул из кабины. Он был очень высокий, сильный, с ногами колесом, точно у кавалериста. Его кепка без козырька походила на берет. Красивое чумазое лицо блестело от пота и масла. Лоскутов однажды увидел инженера с бородкой, но без усов, это ему очень понравилось, и он тоже начал отращивать бороду. Она только-только пробилась и удивительно напоминала черную суконку, которая облепила подбородок.

За свои тридцать лет Лоскутов плавал с сахалинскими рыбаками в бурном Татарском проливе, добывал молибден на Кавказских вершинах, мыл золото в дебрях Якутии и, наконец, приехал на Байкал валить тайгу. С пятнадцати лет, как только убежал от родных из колхоза, он все время куда-нибудь вербовался.

Лоскутов был и тракторист, и шофер, и слесарь, и токарь; его руки называли золотыми.

Избалованный успехом, он всегда чем-нибудь щеголял — или уменьем плясать, или бородкой, или подхваченными особыми словечками.

— Как работается?—спросил Семен, думая совсем о другом.

Лоскутов, пританцовывая, зычно пропел.

Я на печке лежу
Похохатываю —
Каждый день трудодень
Зарабатываю.

Он размашисто стукнул Семена по плечу.

— Так-то голова! А у тебя как? Вопрос с женитьбой утрясли?

— Да вроде так,— смущенно улыбнулся Семен.

— Ну, давай, давай, голова! Молодые соседи довольны будут! Значит, гульнем на всю Ивановскую? — плутоватые большие глаза его искрились. — Хотя, вообще-то, не говори «гоп», пока не перепрыгнул!

Приемщица, в черных шароварах и в зеленой юбке, меряла толщину бревен складным сантиметром, писала на комлях цифры.

Лоскутов обхватил ее за полные плечи:

— Ласточка моя, дай я тебя приголублю!

— Иди, иди, не припрягайся! — приемщица стряхнула его руки.

— Голубонька, любовь моя крепка!

— И тюрьма крепка, да черт ей рад.

— Эх, девки языкастые! Живу я из-за вас, как пуговица! Каждый день в петлю лезу!

Лоскутов захохотал, прыгнул в кабину.

«Вот, язва, лихой, в карман за словом не ползет», — восхитился Семен. Уходить не хотелось, и он тоже залез в кабину, сел на железный стул с сиденьем из алюминиевой проволоки.

Помощник Лоскутова, скуластый, с плоским носом бурят Арсалан, продолбил ломиком под двумя хлыстами проходы, просунул трос с крючком на конце, захлестнул вокруг комлей и свистнул. Лоскутов включил мотор, заработала лебедка, трос натянулся, как струна, за ним поползли хлысты. Концы их взобрались на покатый щит.

Между Лоскутовым и Семеном ревел мотор под стареньким капотом, пропеллер-вентилятор гнал горячую струю от мотора, солнце палило в окошки без стекол, дышал зноем бункер за спиной; от всего этого и от напряжения с лица Лоскутова струился пот. И хлысты в сверкающих медовых каплях смолы тоже будто вспотели от натуги, всползая на щит. Лоскутов рванул рычаг, покатый щит поднялся, выпрямился и на его площадке оказались два комля. Трактор сердито взревел, дернулся. Из-под гусениц летели куски размятых сучьев, сосновые лапы. Хлысты вспахивали борозду.

Кругом пни, лесины, и Лоскутов напряженно смотрел то в окошко вперед, то в окошко назад.

Арсалан прыгнул на ползущие хлысты, ловко, точно бу-

рундук, пробежал по ним, сел, свесив ноги, и оскалил сахарные зубы.

Семен улыбнулся ему, а Лоскутов погрозил кулаком.

Трактор всползал одной гусеницей на лесины, кренился, Лоскутова и Семена швыряло, оглушали треск и завывание мотора.

— А, так твою...— выругался Лоскутов, — чурки сырые, трактор плохо тянет!

Из бункера валил желтоватый густой дым, вкатывался в кабину, ел глаза, ветви стегали по лицу.

— Что, не по душе!?!— прокричал Лоскутов, — это тебе не с пилкой возиться в лесу на чистом воздухе. Тут к концу работы форменным образом шатаешься, в голове гудит—угораешь!

Лоскутов отцепил хлысты и лихо развернулся.

С оглушенного Семена катился пот. Даже металлический стул сделался горячим. Семен выпрыгнул и пошел к Клаше.

Женщины затюкали топорами, и только одна Клаша возилась у балагана.

— Клавдя, чего ты канителишься? Бери топор!— сипло крикнула приемщица.

— Знаешь что, катись-ка ты...— Клаша раздула ноздри, презрительно прищурила черные глаза. — Много вас, указчиков, до Москвы не переставишь! На каждого араба — два прораба!

Семен, увидев раздутые ноздри, вспомнил, как однажды Клаша на улице била за что-то молоденькую официантку. Семен тогда остановился пораженный. А Клаша, последний раз ударив бледную девушку прямо в лицо, подбежала к нему, попросила, задыхаясь:

— Уведи меня, убью я ее.

Семен увел Клашу в березовый лесок. Она вся дрожала, пальцы то сжимались в кулаки, то разжимались.

— За что ты ее?

— Так просто... любя.

Внезапно Клаша расплакалась.

С той минуты они и стали встречаться друг с другом. Месяц вместе ходили в клуб. Месяц он собирал для Клаши ягоды, приносил грибы. Наконец написал в записке, прыгающими буквами: «Давай поженимся».

Клаша, встретив его, засмеялась:

— Что же ты запиской-то, а не на словах? Трусишь? — Она задумалась, а потом хмуро добавила:

— Смотри, я ведь сердитой буду женой. Командовать буду. Не раздумал?

— Что ты!—Семен стоял красный, счастливый, растерянный.

— Я работать не буду. Тебе придется кормить меня.

— Да моего заработка хватит на двоих!—радостно убеждал Семен.

Клаша строго и удивленно посмотрела на него.

— Я люблю боевых ребят, а ты... из тебя хоть веревки вей, — вздохнула она.

Семен уныло ковырял мозоль на руке.

— Ладно. Я пошутила. Я не сердитая. И командовать не умею. И работать буду — не люблю зависеть. Скучно мне. Увези меня отсюда, ради бога!— с тоской воскликнула она.

Семен встревожился — что с ней?

А она прижалась к нему, шептала:

— Увези скорее! На Камчатку! На Сахалин!

Все это вспоминал Семен, подходя сейчас к Клаше.

Клаша не оглянулась на него и лишь заправила черные волосы, рвущиеся из-под платка.

— Работаеть?— Семен стегал по сапогу сосновой веткой.

— Нет, пляшу,—и Клаша, не повернув головы, скосила на него смеющиеся глаза.

Она разгребла горячую золу и угли. Из-под них выглянула сизая бутылка, в которой уже закипела вода.

— Хлебнешь таежного чайку?

— Чай пить — не дрова рубить,— улыбнулся Семен.

Надев брезентовую рукавицу, Клаша схватила бутылку, но та внезапно лопнула, развалилась на две части и кипяток зашипел в углях.

— А, сатана! Чтоб тебе сгореть!—Клаша швырнула рукавицу.

— Не ошпарилась? — испуганно присел на корточки Семен.

— Не маленькая,— широкое загорелое лицо Клаши было сердитым.— Должно быть, рукавица-то мокрая!

— А я все топор твой слушал,— тихо проговорил Семен, разгребая угли веткой. Хвоя густо задымила, хорошо запахла и вдруг, треща, жарко вспыхнула. Семену показалось, что все это уже когда-то было: так же сидел у костра с Клашей, так же вспыхнула хвойная лапа, так же тюкали топоры и ревел, вставал на дыбы трактор.

Это была демоверсия книги - Лавров И.М. Синий колодец : рассказы

С полной версией книги, Вы можете ознакомиться в нашей библиотеке по адресу: Забайкальский край, г. Чита, ул. Ангарская, д. 34